

Владислав КИТИК

Выйти замуж за мента

Галина Остроухова была словно создана для земного счастья. Она имела квартиру, оставшуюся после развода как трофей, высшее образование, работу. Наконец, сохранила притягательную для мужчин внешность. Но — мужа у нее не было.

Насколько это ее удручало, знала только школьная подруга.

— Вся твоя беда, Галка, что ты ни с кем не живешь, — говорила она, отпив мартини. — Делаешь психокоррекцию поля, всякие там тесты соискателям удачного брака... Шоковую терапию им не предлагала?

— Да, мужики теперь с проблемами, — неспешно согласилась Галина.

— Вот именно: где их взять, беспроblemных, — энергично раскрыла пальцы Шура. — Но и с такими бы пофлиртовала. Роман бы закрутила с кем-то из своих шизиков.

— Пациентов, Шурочка, — с улыбкой поправила Галина. И вздохнула. — Отвыкла.

— Нужную квалификацию теряешь! Рыцаря ждешь? Увянешь раньше, чем до тебя доскачет принц сиреневый.

— А тебе с твоим ментом хорошо? — прищурилась Галина.

— С майором! — вскинула плечи Шура.

— Он тебе конфискует приносит? — съязвила Галина, скрывая проступавшую исподволь зависть.

— Не умничай, Остроухова! Тебя уже развозит. Еще фужер за ушедшую молодость — и сладкий тебе иллюзий. А я к своему пошла.

Дверь закрылась. Затихли сходящие по ступеням шаги.

Галина зажгла бра и в тусклом свете почувствовала, что ей страшно одной в пустых комнатах. Привычка спать при свете не помогала. Мерещилось чье-то присутствие. Она закуталась в халат и, спасаясь от ночной тишины, включила телевизор.

— В городе меняется картина преступности. От участившихся случаев уличного хулиганства пальма криминального первенства перешла в сферу квартирных краж... — тараторила хронике МВД белобрысая девочка с погонами.

Галина окинула взглядом дорогой интерьер: "Шурке в этом отношении проще: к ее менту в дом не сунутся..."

— ...не открывайте и не впускайте незнакомых медсестер, монтеров, социальных работников. Уходя, создайте в доме видимость нахождения лиц, проживающих на данной площади... — частила представительница милицейского ведомства.

— И храните деньги в сберегательной кассе, — ехидно бросила Галина.

— ...и не надо стесняться обращаться в органы, — перебил голосок девочки с телеэкрана.

Наутро Остроухова поднялась разбитой. Из зеркала на нее глянуло уставшее лицо, явно требующее реставрации.

"Шурке надо позвонить", — подумала она.

— Считаю, что помирились! — наполнялась трубка решимостью подруги. — Теперь слушай: я с моим Гороховым говорила. Надо тебя с его товарищем познакомиться. Они одноклассники. И тогда ни одна зараза к тебе в дом не ползет. Как план?

— Одноклассник. Господи, дожила, — коснулась виска Галина. И азартно засмеялась. — А давай!

Петрухин пришел по гражданке. Пиджак неловко сидел на его плечах, привыкших к мундиру. Галстук явно жал, а цветы он преподнес неумело.

"Такими ручищами только показания выбирать и в протоколах точку ставить", — подумала Гала. И мило улыбнулась:

— Проходите.

Щелкнула дверь.

— Слабават замок-то, — заметил Петрухин.

— Санек, отставить! Ты не на службе. Ты с дамой пришел знакомиться, — начальственно сказал Горохов и по-хозяйски плюхнулся на диван.

— Ну, доставай, чего принес, — подмигнул он. — У нас тут еще один букет есть.

О столики стукнули донышки коньяка и "Букета Молдавии".

"Откуда вино? — подумала Остроухова и стала помогать Шуру расставлять посуду. — Из-под полы в ментовском буфете брал? Или изъял у спекулянтов? У, нарушитель!"

— Гой-ти-соло, — перебирал между тем Горохов корешки книг на полке. — Гой ты, сало! Расул Гамзатов — рассказ Гамзатов. Ефремов. Да, был такой бандит Ефрем. Легендарный человек.

— Жулик? — не зная, как поддержать разговор, спросила Галина. И увидела одобрителный взгляд подруги: "Работай, психолог".

— Да нет, этот покруче был. А вот мошенника-лекаря мы вчера поймали. Одиноким старушке пообещал ноги вылечить, надо только, говорит, над подагрой пачкой денег помазать. Ну и маханул три тысячи, — захохотал Горохов.

— А откуда он знал, что старушка одинокая? — с любопытством спросила Галина.

— Да просто, — включился в разговор Петрухин. — Смотрит, в прихожей нет мужских вещей, тапочек большого размера или куртки. Жулики ведь тоже психологи.

— Милиционеры из розыска, наверное, тоже, — лукаво спросила она. И увидела вместо ответа утвердительную улыбку и разведенные открытые ладони:

— Стараемся.

"Ой! Как для объятий", — отметила она про себя и вдруг почувствовала, что чуть не подалась вперед. Правда, сдержалась, поправила платье, скользнув ладонью по бедру. И поспешила на кухню. При выходе она инстинктивно бросила на Александра взгляд чрез плечо.

Утром Галину разбудил звонок

— Ну что, как он тебе? Влюбилась?

— Да ты что! Я другое подумала: не купить ли мне тоже башмаки 45-го размера, чтоб стояли в коридоре. Залезет грабитель, увидит и решит, что в доме мужик серьезный. И боится.

— Ты бы еще гири купила, чтобы вор подумал, будто у тебя муж — качок.

"Кстати, это мысль! Только туфли надо брать не в "Милане", а ношенные", — рассуждала Галина, садясь за руль. Светло-серый "Опелек" развернулся и покатил в сторону старьевки.

Полуботинки стояли на расстеленной газете. Распотанные, большие, как баржи, но крепкие, словно тот, кто носил их, твердо стоял на ногах. Рядом с ними ее лодочки казались изящной миниатюркой.

— Берите, гражданочка, не пожалеете. Ваш муж в таких до Винницы сходит и назад вернется, — дохнул на нее перегаром продавец. Она невольно отвела лицо. И взгляд упал на грязную доску, которую плотно вдавила в асфальт пудовая гири.

— А это сколько стоит?

— Замечательный подарок мужчине. Для вас — за сотню.

— С доставкой?

— А с доставкой до багажника — еще на магарыч, то есть столько же! Шо, несем?

Галина раскрыла кошелек.

"Еще бы новый замок поставить", — проплыло в ее головке перед сном. И она уютно свернулась под пледом.

Между тем Петрухину не спалось. Какая женщина! Она совсем не походила на его подчиненных в юбках, ходивших строевым шагом и матюкавшихся в курилке. Шаркая тапочками по холостяцкой малометражке, он подходил к зеркалу. И с досадой отворачивался: разве такой человек ей нужен?!

Как? Как с ней еще встретиться? Под каким предлогом позвонить? При виде ее зеленых пронизательных глаз он терял всю свою профессиональную уверенность. Пойти к ней на тесты? Глупо! Пожаловаться на проблемы? Нет у него проблем. Он молодой и здоровый мужик, который нравится женщинам...

"Надо ее шокировать! Только так!" — определил он.

— Шура, Шурочка, — рыдала Галина в трубку. — Украли всё. Драгоценности, деньги, что я отложила. Взгляди даже эти дурацкие туфли и гири. Представляешь? Унесли!

— Звони в милицию!

— Они же скажут, надо было замок хороший ставить. Спросят, кто! Искать незнакомо — безнадежно.

— Тогда звони Петрухину.

— Он трубку не берет, — глотая слезы, кричала Галина. — Куда он уехал, если он здесь нужен?

— И-ди-от! И-ди-от! — в такт словам гремел кулаком по столу Горохов. — Петрухин, это же подсудное дело. На нарвы захотел!

— Да не нужны мне ее безделушки. Я же только, чтобы с ней сблизиться, — бормотал Петрухин.

— А она сейчас заявит, районные приедут, и конец тебе! Марш к себе. И чтоб ни шагу из кабинета.

На пороге раздался трелью звонок:

— Петрухин, родненький, помогите.

— Галочка, золотая моя, да я ради вас... да всех бандитов пересажая, — воодушевленно выкрикивал он, сжимая в кулаке трубку. — Я вору этого лично поймаю. Уши надеру. И все-все верну: и ваши деньги, и бусы, все, и кулончик с Нефертити. Галочка, не ходите куда. Ждите меня. Я скоро. Главное: никому больше не звоните, — уже с нажимом добавил он. И, лавируя между автобусами, мопедами, иномарками помчался домой. Холодный вечерний ветерок с моря врвался в салон и остужал голову.

— Та-ак, — приговаривал он, доставая из секретера все взятое вчера днем из квартиры Галины. Деньги. Цепочку. Шкатулочку с кольцами, бусы из жемчуга. Не сразу смог поддеть пальцами изящный золотой восьмигранник со вставленным в середину барельефом древнеегипетской царицы. — Стоп! Как я мог о нем знать? Ведь когда Шура нас знакомила, на Гале были жемчужные бусы и браслетик. А кулон этот хранился у нее в стеклянной пудренице, как и у всех, между простынями в шкафу. Там же, где и доллары... — красная стыда и досады залила его аккуратно выбритые щеки.

"Эх, Сашуня", — жестко сжал зубы Петрухин. Теперь не имело смысла создавать видимость трудного детективного поиска. Он превращался в фарс, интрижку. Петрухин рынком застегнул сумку, уже не зная, с вещами или с вещественными доказательствами

вами. И безжалостно выжал педаль газа на своих "Жигулях".

"Сейчас он его разыщет. Матерый воруа вернет похищенное. Петрухин обойдется без следствия, понятых. Приставит ко лбу пистолет да как пуганет, — Галина ходила по комнате, словно в лихорадке. — Но... но я же была тогда в жемчуге. Откуда он знает про кулон? Оп-па!"

Петрухин коротко позвонил. По глазам Галины было ясно: она догадалась обо всем.

— Ну, зайдите, — пожалла она плечами.

— Вот! — отрешенно протянул сумку Петрухин, даже не закрывая дверь. — Здесь всё. И туфли тоже.

— И Нефертити? — чуть насмешливо уточнила Галина.

— И она, — со вздохом кивнул Петрухин.

— Как вы могли? Как вы могли, Саша? Я же чуть с ума не сошла от волнения! А вы... вы, — она не находила слов. — Саша, что с вами?

Он и сам не знал. Его грудь сдавило, пекущая сухость перехватила горло. Он никогда не плакал — ни от боли, ни от обиды. А теперь стоял и конвульсивно подрагивал. В глазах накапливались и вываливались редкие крупные капли, текли по щекам. Потом по мягким пальцам, слегка пахнущим маникюром.

— Ради... чтоб вас увидеть, — выдавил он из себя.

— Боже, так романтично? Вы на такое способны! Но мне не нужно, чтобы у меня пропадали вещи, — она отвела ладонь от его лица. — Да не держите вы эту гири. Поставьте ее. Ну, хоть сюда! И как же вы вошли в дом?

— Нас учили. Был факультатив, как замки открывать. — И перед глазами вдруг встала картина учебки, вечный прапорщик Макар:

— Мусорки молоденькие, опера хреновы, будете меня и в спальне вспоминать. Итак, отработываем до состояния рефлекс: перед вами противник — фас!

— Фас, — командовал себе Петрухин, обретая сознание.

— Что? — робко удивилась Галина.

— Вас, только вас, — сработал навик мгновенной реакции на обстановку. И на одном дыхании он выпалил сотни раз повторенную в мыслях фразу, — Галочка, только вас я хочу видеть своей женой.

— О-о-о, — прикрыв веки, простонала она, уже не отстраняясь от него. В тишине стальные часы тикали, как мина.

"Глаза светлые — искренен. Широко поставлены — активен. Большие кисти — добр", — в такт маятнику внутренний голос машинально отбивал акценты диагностики. "Прокрытый профессионализм", — подумала она.

И потянула чувственно:

— Саша.

Он ждал.

"Крупный подбородок — целеустремлен. Предпримчив. Склонен к риску. Нос гармоничен — честен. А рост! С ним можно надевать высокие каблуки. А то есть новые босоножки, а так и лежат".

— Это ты действительно ради меня? — уточнила она для верности.

— Да, — он сухо глотнул.

Умение слушать всегда превосходило у Галины умение говорить. Но теперь... Что сказать? Она ткнулась ему носом в ухо:

— Я уже и туфли для тебя купила. 45-й подходит?

— Немного жмут...

— Подожди, подожди, не так сразу, — задыхаясь зашептала Галина. — Ты хоть дверь закрой.

— Ах, Галиночка, теперь сюда никто не войдет, — восторженно дал Петрухин первое обещание.

Замок щелкнул. Дверь заслонила от мира тайну двоих людей.

Теперь Петрухины и Гороховы любят вспоминать столь необычный способ предложения руки. Впрочем, каждый и так все знает друг о друге, когда дружат семьями.

Доманёвский ад

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

В истории одесского Холокоста лагерь смерти Доманёвка, в котором погибли тысячи одесситов и евреев так называемой Транснистрии, занимает особое место. Заключенные Доманёвского концлагеря принимали немало попыток совершить спасительные побеге. Но для всех попытки завершились благополучно. Уникальный успешный побег совершил одиннадцатилетний одесский мальчишка Борис Шенфельд. Поразительно, какой силой воли обладал Боря, как цепко он боролся за жизнь, преодолевая страх, голод и физические муки. Благодаря недетскому мужеству и незаурядной находчивости, когда смертельная опасность преследовала его за каждым углом, он выиграл битву со звериным нацизмом. Три года дли-

лось беспримерное сражение, три года невероятных приключений, после которых Боря встретил Свободу в день освобождения Одессы, 10 апреля 1944 года.

Подвигу юного героя посвящена повесть Исаака Вайншельбойма "Побег из ада" (издательство "Mir Collection", 2011). Повесть пользуется большим успехом у читателей и, по многим откликам, стала заметным памятником жертвам Холокоста, которым она и посвящена. Одесский мальчишка Боря Шенфельд навсегда останется в памяти читателей.

При поддержке одесского землячества Нью-Йорка (президент — Валерий Савинкин) была создана литературно-музыкальная композиция по повести "Побег из ада", премьера

которой состоялась 22 марта этого года в рамках постоянно действующей Одесской гостиной. Премьера собрала много гостей и была встречена с большим интересом. Сценарий композиции написал автор повести. Успеху премьеры способствовало прекрасное исполнение актерами Еленой Строгановой и Игорем Казацкером. Авторы музыкальной программы и исполнители Исаак Шапиро (скрипка) и Ефим Мерсон (виолончель) украсили композицию вдохновенным исполнением классических произведений и еврейскими мелодиями.

До начала исполнения зрителей познакомили с известным украинским журналистом и литератором Львом Хмельковским, сыном Праведницы мира Валентины Ченцовоной, спасшей во время оккупации в г. Староконстантинов двух еврейских детей и двух женщин. Гости встретили с большой теплотой и сердечностью.

Во вступительном слове Исаак Вайншельбойм подчеркнул, что современное взрослое поколение является последним поколением

жесточкого, трагического двадцатого века, и наш долг — оставить память о Холокосте будущим поколениям. Мы, последние свидетели небывалой исторической драмы, обязаны сохранить все доказательства злодеяний, совершенных немецкими фашистами и их пособниками.

После окончания композиции Исаак Вайншельбойм представил гостям Бориса Шенфельда — героя повести и композиции, совершившего побег из "Доманёвского ада". Присутствовавшие встретили Бориса с незабываемым восторгом и долго не смолкавшими овациями.

Исаак Вайншельбойм является также автором живописного цикла "Холокост". Некоторые картины этого цикла, посвященные еврейскому Сопротивлению ("Свадьба в гетто", "Молитва", "Портрет Реббидин в гетто" и другие), демонстрировались во время представления и живописно дополнили литературно-музыкальную композицию.